

Английский язык

Библиотека в школе

Биология

География

Дошкольное образование

Здоровье детей

Информатика

**Воспитание
Образование
Педагогика**

№6/2006

Искусство

История

Литература

Математика

Начальная школа

Немецкий язык

Русский язык

Спорт в школе

Управление школой

Физика

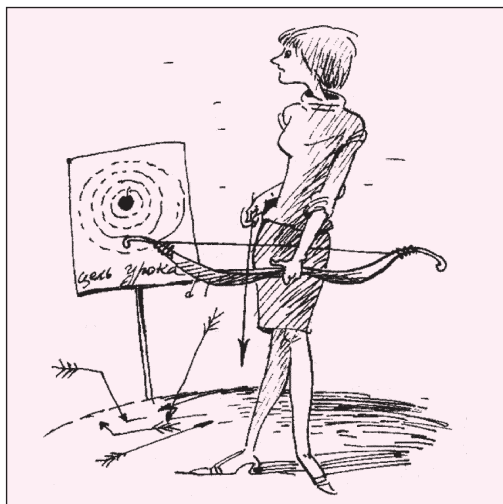
Французский язык

Химия

Школьный психолог

Библиотечка «Первого сентября»

ВЯЧЕСЛАВ БУКАТОВ,
МАРИЯ ГАНЬКИНА

Открытый урок

Режиссура школьной
повседневности
в невыдуманных рассказах,
неожиданных советах
и нескучных рекомендациях

БИБЛИОТЕЧКА «ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ»
Серия «Воспитание. Образование. Педагогика»
Выпуск 6

Вячеслав Букатов
Мария Ганькина

ОТКРЫТЫЙ УРОК

*Режиссура школьной повседневности
в невыдуманных рассказах,
неожиданных советах и нескучных рекомендациях*

Москва
Чистые пруды
2006

Содержание

Напутствие читателям	4
ДЕЛО ИЛИ ПОЗИЦИЯ?	5
<i>К вопросу о правах и обязанностях учителей и учеников</i>	
О ПОЛЬЗЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСТЕЙ	8
<i>Из личного опыта учительницы английского языка А.Пахомовой</i>	
ГЛАЗА БОЯТСЯ, А РУКИ ДЕЛАЮТ	10
<i>История смелых начинаний одной учительницы химии</i>	
Физкультминутка под портретом Менделеева	10
Оригами по химии	11
Глюкоза для словесной разминки	12
Преимущества “открытого забрала”	13
Вполне понятные недоумения	13
ИЗ ПЕСНИ СЛОВА НЕ ВЫКИНЕШЬ	14
<i>Короткий репортаж А.Новгородовой с конкурса “Учитель года”</i>	
ЮНЫЙ МСТИТЕЛЬ	15
<i>Случай из письма сельской учительницы В.Гусевой</i>	
КРУГЛЫЙ СТОЛ В 6 “А” ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОТКРЫТОГО УРОКА	16
<i>Из рабочих записей классного руководителя Н.Злобиной</i>	
ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ	19
<i>Невыдуманный рассказ В. Кладовой</i>	
КОГДА ЖЕЛАЕМОЕ ВЫДАЕТСЯ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ	21
<i>Комментарии В.Букатова и А.Ершовой к рассказу В.Кладовой</i>	
За чистую монету – 21. Веди себя прилично – 22. Так заведено – 22.	
Литературный ход – 23. Норма жизни – 24. Кому выгодна ложь? – 24.	
Золотая середина – 25. Виновных нет? – 26.	
ОТКРЫТЫЙ УРОК КАК ПРАЗДНИК	26
<i>Неожиданный ракурс от А.Ершовой</i>	
Веские основания для спокойствия	26
Взгляд со стороны: на что смотреть?	27
Аспект первый. Чтобы самому учителю было интересно	28
Аспект второй. Перемещение учеников в пространстве	28
Аспект третий. Работа в малых группах	29
Аспект четвертый. Смена дел	29

НАПУТСТВИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

Говорят: за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Справедливо говорят. Но вот если погнаться аж за 133 зайцами, то, глядишь, десяток да поймаешь. И пяток из них – такие, о которых учителю даже не мечталось.

“Зайцы” в данном случае – это разные дидактические цели, задачи, результаты. Они даются в руки учителю не так-то просто, но когда учитель ведет урок с установкой не на одну-единственную цель, а “на 133 зайца”, то и результатов – пруд пруди. И не притянутых за уши к “нужной цели”, а самых что ни на есть настоящих: Сашка понял так, а Гришка эдак, отличница Наташка же слушает их, разинув рот, потому что ничего подобного ей в голову не пришло. Учителю просто пальцев на руке не хватит, чтобы пересчитать пойманных за урок “зайцев”.

Но неужто же гоняться за 133 зайцами и на открытом уроке? Да еще когда на нем не просто гости сидят, а аттестационная комиссия? Да, именно это мы и советуем! Ведь одного “зайца поймать” (комиссии понравиться) можно, но совестно. Двух – и комиссии понравиться, и жизнь в классе не заморозить – чаще всего не получается. Тогда как странная установка на поимку 133 зайцев помогает учителю увидеть в открытом уроке не столько экзекуцию, сколько счастливую возможность извлечь для себя очередной полезный урок.

Вячеслав Букатов, Мария Ганькина

ДЕЛО ИЛИ ПОЗИЦИЯ?

К вопросу о правах и обязанностях учителей и учеников

НАЧИНАЯ открытый урок, каждый из учителей невольно исходит из каких-то своих представлений о том, что он на нем обязан делать, а чего не обязан.

Например, одни учителя считают, что они никак не обязаны десять раз повторять одно и то же, потому что дети должны слушать их внимательно сразу (тем более – на открытом уроке!). Другие – что они будут обязаны в первую очередь заинтересовать учеников своим заданием и, готовясь к открытому уроку, основное внимание станут уделять именно этому. Третьи считают, что обязаны учитывать столь присущую некоторым детям забывчивость и непонятливость, а потому для проведения открытого урока постараются запастись терпением...

В результате на открытых уроках у одних учителей возникает обстановка мажорно-деловая, у других – пассивно-терпеливая, а у кого-то – истерически-взвинченная или хлопотливо-беспомощная. Подчеркнем, что любая фраза, произносимая учителем на открытом уроке, может диктоваться не только его деловыми интересами, но и теми интересами, которые в режиссуре именуется *позиционными* (например, одернуть партнера, поставить его на место, то есть принудить отказаться от “неверной” позиции; в повседневном обиходе позиционные претензии часто выглядят как кратковременные стычки, во время которых речь у общающихся идет не столько о деле, сколько о том, как оно выполняется и какие взаимоотношения за этим кроются).

Если учитель, бюрократически подходя к своей работе, твердо убежден, что в его обязанности входят лишь объяснение и контроль за исполнением, то, защищая свои права на размеренную жизнь, он и на открытом уроке неминуемо займет путь блокирования любых ученических притязаний (инициатив, интересов, непониманий). И его поведение будет направлено на *увеличение дистанции*, то есть “отдаление учеников от себя”, с тем чтобы они знали свое место и не мешали ему с достоинством совершать необходимый дидактический ритуал, строго следуя подготовленному конспекту.

Если же учитель будет стремиться, чтобы дети даже на открытом уроке работали сами, то ни их притязания, ни производимый ими рабочий шум его уже особо смущать не будут. А поведение его станет столь разнообразным, что сразу и не разберешь – деловыми или позиционными заботами он занят.

РЕЖИССЕР, оказавшись он на открытом уроке, обязательно бы начал обращать внимание на то, кого учитель своим поведением *возвышает* – себя

или учеников. А если он *ставит на место*, то опять-таки – себя или тех, кто сидит за партами. Другими словами, он обслуживает интересы и желания свои собственные или интересы и желания учеников по ходу работы “над их недостатками”? Или же учитель стремится всего лишь к тому, чтобы занять как можно более лестное место в сердцах учеников? Желает им понравиться (то есть хлопочет о каком-то для себя выгодном уменьшении дистанции между ним и учениками)? Или он стремится завоевать как можно больший авторитет в глазах присутствующих гостей?..

Если учитель предлагает классу очередное задание, то для чего? Чтобы поставить учеников на место, одернуть, пуститься в распекивание? Или чтобы блеснуть самому, пускаясь в саморекламу и самоутверждение? А если он для более тесного контакта с учениками начинает перед ними заискивать, становясь чересчур уступчивым? Или же, наоборот, начинает злоупотреблять своим покровительственным понуканием?

ОЧЕВИДНО, что с любой из перечисленных форм выяснения отношений связаны весьма серьезные педагогические издержки, будь то разнос или бахвальство, угодничество или понукание. Вероятно, именно от педагога при демонстрации каким-то из учеников своей “возмутительной” позиции можно ожидать не типичной бытовой реакции (например, выговора), а использования тех или иных деловых средств воздействий. Все недостатки в поведении детей (включая их непонимание, незнание и ситуационный негативизм) для хорошего учителя – исключительно деловые объекты. Настойчивость, изобретательность, оптимизм и мажор должны лежать в основе его профессионализма

Все, с чем учитель сталкивается на открытом уроке, должно оказываться поводом только для делового подхода, делового поведения. Ведь главная обязанность учителя в том, чтобы суметь подобрать и осуществить с детьми на уроке такие разнообразные дела, в процессе выполнения которых ученики могли бы и обучаться, и воспитываться, и развиваться. Невзирая на то, что урок открытый.

Если же учитель будет всего лишь ждать от детей мгновенного послушания (беспрекословного повиновения) либо обожания (молчаливого восхищения), то, как только он не встретит желаемого, его неминуемо будет всасывать один из позиционных водоворотов. И тогда не только разносы и самовосхваление начнут засорять его поведение, но и откровенное заискивание и чуть ли не самоуничтожение. Тогда как строго деловые устремления освобождают его от подобных инсинуаций, и он перестает бросаться на открытом уроке из одной крайности в другую.

В любой ситуации учителю необходимо исходить из предположения, что в его взаимоотношениях с детьми в классе – полная и абсолютная ясность. Если эта ясность строится на реальном (а не на декларируемом) признании учителем своих обязанностей помогать всем и каждому из детей быть деловым, сообразительным и покладистым человеком, то он застрахован от своих позиционных притязаний к ним. Дети в классе такие, какие они есть, и именно он – учитель – должен организовать и обеспечить для них интересную и продуктивную деятельность.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ отметим, что учитель, возвышающий себя и демонстрирующий свои достоинства (реальные или мнимые), обычно создает у присутствующих впечатление необыкновенно интересных, “блестящих” уроков. Такими уроками и учителями, как правило, гордятся школа, район, область (ведь для того чтобы, покоря аудиторию, подать излагаемый материал как-то неординарно, с выдумкой, учителю явно необходимо ориентироваться в нем достаточно уверенно). С точки зрения режиссуры такой педагогический стиль ведения занятий можно назвать концертно-солирующим. Бесспорно, что ученикам гораздо приятнее и полезнее присутствовать на уроках учителя, работающего в этом стиле, чем на уроках учителя, беспрерывно всех ставящего на место.

Но если сравнивать концертно-солирующий стиль с деловым, то у второго явно больше педагогических преимуществ, отсутствующих за внешней эффектностью первого. Но какой из этих стилей обычно выбирают учителя для своих открытых уроков – спрогнозировать, к сожалению, несложно. Не случайно в печати то и дело раздаются голоса, что открытые уроки вредны школе. Но одни учителя старательно делают вид, что ничего о том не знают и не ведают. Тогда как другие успешно пытаются соединить, казалось бы, несоединимое и находят-таки некие парадоксальные способы, превращающие открытый урок из показушного и формального в живой, полезный и интересный детям (пусть местами даже и не совсем причесанный, а то и вовсе затрапезный).

О ПОЛЬЗЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСТЕЙ

*Из личного опыта учительницы английского языка
Анны Пахомовой (Москва)*

Я УЧИЛАСЬ в престижной школе. В районе она была образцом “правильного” образования, и визиты иностранных гостей к нам в школу не были редкостью. Наша школа гордилась своим свободолобием, так что обстановка визитов была неформальной.

Путей развития этой ситуации было два. Первый: ученики сидели в классе (или актовом зале – в зависимости от масштабов встречи), улыбочивые гости что-то там рассказывали про свою родную страну и показывали какие-то картинки. Учитель иностранного языка радостно переводил их речь. Ученики в лучшем случае дремали, в худшем – развлекали себя не очень тихими и соответствующими ситуации методами.

Второй путь: назначались наиболее знающие иностранный язык ученики (точнее, отличники), которые сопровождали иностранных гостей по школе. Все им показывали и рассказывали. В общем, вместо уроков прекрасно проводили время. В любом случае дети особо полезного от этих встреч не приобретали (кроме сувениров, конечно, но это сейчас не очень большая радость).

ТЕПЕРЬ, КОГДА я сама стала учителем, я думаю, что ситуация общения с человеком, говорящим только на иностранном языке, уникальна. Поставленный в условия невозможности (бессмысленности и бесполезности) говорить по-русски, ребенок начинает использовать иностранный язык как средство общения, начинает мыслить на иностранном языке и облекать свои мысли в слова.

Особенно важно это для тех детей, от которых сложно добиться быстрой и связной речи, которые заранее боятся того, что не смогут контролировать ситуацию, связанную с иностранным языком. Конечно, хорошо бы вывезти их в страну изучаемого языка на недельку, а лучше на месяц, поселить в семье, познакомить со сверстниками. Но есть ли такая возможность? Чаше нет, чем да. Тогда остается извлечь максимальную пользу из визитов иностранцев в ту школу, где я сейчас работаю.

И вот в нашу школу прибыли гости из Австралии. Как правило, кто попало в школу не приезжает. Это были учителя со своими учениками. У меня же – шестой класс. Дети разные – и по знаниям, и по способностям.

Я решила дать гостям открытый урок в деловом стиле. Как только гости пришли, мы их сразу включили в работу без лишнего расшаркивания.

ВСЕ ОБЪЕДИНИЛИСЬ в команды по пять человек. Кому какого цвета карточка досталась, тот в такую команду и попал. В каждой команде – по одному гостю-австралийцу. Разбивка получилась странной: две команды сильные, одна – так себе и одна – совсем неговорящая. Но это оказалось к лучшему – сильные перестали везти все на себе.

Первое задание: команде выяснить у гостя как можно больше информации и сообщить другим. Время на выяснение ограничено (жесткий лимит). Проявились сильнейшие. Счет велся на доске. Оценивалось только количество информации. Ошибки не интересовали: если гости тебя поняли, то ошибки не криминал.

Второе задание: рассказать гостю как можно больше информации о своей команде. Говорить пришлось всем. Захваченные азартом, дети не испытывали особых трудностей в общении. Начиная строить свои фразы на ломаном английском, они все более раскрепощались. Их целью становилось не произнести ответ, а добиться понимания. Слова сами приходили на язык, откуда-то появлялись плавность речи и приличная скорость.

МНЕ ОТКРЫЛАСЬ масса интересного. Никита – на высоте. Мне кажется, он даже с немым найдет общий язык. Вот его заносит в сторону от общей темы задания, слишком хочется покрасоваться, и периодически члены его команды вынуждены возвращать Никиту к действительности.

Наши отличницы Ксюша и Вера рассчитывали на то, что без них не обойдутся. Этого не случилось, и девочки были слегка обескуражены.

Леша, который любой ответ на уроке начинал дрожащим голосом и с выражением ужаса в глазах, взял на себя руководство командой. Активно распределял роли. Уверенно строил общую работу. И все это он делал на английском с кучей ошибок. Но быстро и всем понятно!

Оля инициативы не проявила, но за ситуацией следила. И если ей выпадало что-то сделать или сказать, проблем это у нее не вызывало (чего обычно о ней не скажешь). Правда, трудные задания Оле, как правило, не доставались, так что постоянная включенность в ситуацию на этом уроке для нее была уже необычна.

Аня все что-то пыталась сказать, путалась в словах и мыслях, но собой тем не менее была довольна.

В общем, все работали.

ТРЕТЬЕ ЗАДАНИЕ: задумать командой какое-либо слово по теме “Школа” и объяснить его гостю, не называя самого слова и однокоренных слов. Следом то же самое делает гость.

Подсказки исключены, но слова изображать можно. А отгадывающая сторона вслух называет варианты дешифровки. Здесь особенно проявил себя Леша. Его вдохновенное перевоплощение во фразу “Ученик плывет у доски” вызвало всеобщий восторг.

В конце команды хором произносили поговорку, скороговорку или крылатую фразу по-английски. Кто слаженнее? А потом по-русски, а это для команды не легче, так как гости русского не знают *вообще*, зато веселее.

После открытого урока – чаепитие. Если они понимали друг друга на уроке, то тем более поймут за чашкой чая.

ГОСТИ УЕХАЛИ, и началась обычная жизнь, обычные уроки...

Но класс долго вспоминал ту легкость в общении, в разговоре, в понимании, а я всё думала, как бы эту режиссуру повторить. Не обязательно с иностранцами. Желанными гостями ведь могут быть и родители, и студенты иняза, и сверстники из соседней школы. Или даже класса, изучающего другой иностранный язык.

ГЛАЗА БОЯТСЯ, А РУКИ ДЕЛАЮТ

История смелых начинаний одной учительницы химии

Увы, на многих уроках (и в первую очередь на открытых) дети лишены возможности подвигаться, ибо школьная администрация, как правило, считает, что движение отвлекает учеников от предписываемого уроком усвоения смысла. Что, мол, подвижные задания уместны на уроках физкультуры, в зале, где много места, где не мешают столы и стулья и можно шуметь.

Конечно, с этим трудно не согласиться. Однако преимущества двигательных и игровых заданий настолько велики, что, несмотря на организационные трудности, их следует использовать буквально на каждом уроке независимо от предмета. Только вот как же тогда быть с открытыми уроками?..

ФИЗКУЛЬТМИНУТКА ПОД ПОРТРЕТОМ МЕНДЕЛЕЕВА

В кабинетах химии столы намертво прикреплены к полу, поэтому возможности для движений, перемещений, перестановок очень ограничены. Несмотря на это, одна учительница химии решила все же попробовать двигательные задания (из “Хрестоматии игровых приемов обучения”, М.: Первое сентября, 2002) у себя на уроках. Сначала, конечно, на рядовых.

“Когда кто в класс ни заглянет, – делилась она потом своими переживаниями, – мои старшеклассники то стулья дружно поднимают, то в ладоши

хлопают, то наперегонки к доске бегают. Что коллеги подумают? Как я им объясню, если спросят, при чем тут химия?”

Так эта учительница, причитая и охая, но не переставая использовать двигательные задания-упражнения на уроках органической химии, проработала полтора года. И хотя она утверждала, что сама запуталась и уже ничего не понимает, стало выясняться, что предмет ученики не только любят, но и прилично знают. А в механическом и зачастую бездумном (чего уж тут скрывать!) вкраплении игровых заданий в урок вдруг все чаще и чаще стал открываться особый смысл и появляться уникальные результаты.

Еще через некоторое время у нее на уроке стали возникать неожиданные игровые ходы, оригинальные задания собственного сочинения. Так, перед знакомством со структурными формулами соединения атомов в молекулы органических веществ ученики в качестве домашнего задания (подчеркнем – по химии!) выясняли у родителей свою родословную и вычерчивали ее схему.

Результат сравнения на уроке домашних работ (способом встречи то с левым, то с правым соседом) конечно же далеко выходил за рамки предмета, но знания по химии от этого только выигрывали.

ОРИГАМИ ПО ХИМИИ

Вот как наша героиня рассказывала об одной из своих находок на учительских посиделках в соседней школе (записано на диктофон).

“Слушайте, как я не люблю всю эту возню, когда надо контрольные собирать: один не доделал, другой не успел написать, третий что-то исправляет.

В тот раз я не знаю, что на меня нашло. Конец урока. Время сдавать работы. И тут я вдруг говорю:

– Сейчас будем учиться делать из бумаги пароход с трубами. Возьмите контрольные работы (а они на листочках были)...

Сама беру листок и быстро-быстро начинаю его складывать – четверо, что ли... уж не помню... Что-то на доске рисую – схему, как складывать.

И все мои гаврики как замороженные (это в десятом-то классе!) складывают пароходики, и эти пароходики вскоре дружно причаливают к моему столу.

Разворачиваю я пароходики, чтобы проверить контрольную, разглаживаю листочки... Листки мягкие-перемятые. И, понимаете, это их как-то объединяет! И мне уже совсем иначе видится чистый лист отпетого двоечника и испещренный аккуратными буквами листок круглого отличника.

И я благодарна этим детям, что они занимаются (кто как может) моей химией”.

ГЛЮКОЗА ДЛЯ СЛОВЕСНОЙ РАЗМИНКИ

А после трех лет работы в игровом стиле внутренние страхи стали оставлять учительницу. И теперь даже на открытых уроках она была готова работать в том же игровом стиле, что и на рядовых, понимая: ученикам этот стиль гораздо полезнее, важнее, ценнее, чем показательный лоск открытых уроков.

Ее окрепшая уверенность в правоте своего дела четко улавливалась окружающими. И если раньше коллеги, зная, что она боится вопроса “при чем тут химия?”, старались не задавать его, то сейчас они не задавали его скорее потому, что не хотели получать ответ, искушать себя пересмотром собственных педагогических установок, травмироваться сомнениями в уровне своей собственной работы.

Так, один из ее открытых уроков был первым по теме “Глюкоза”. Начался он с того, что ученики, привычно (а потому быстро) разделившись на четыре команды, пересев и переставив стулья, стали увлеченно выполнять задание

учителя: из букв названия темы составить как можно больше слов.

Те из читателей, кто в свое время играл в эту словесную игру на переменах, тайком на уроках или на лекциях в институте, согласятся, что с таким количеством букв (ГЛЮКОЗА) за короткое время трудно составить какие-то уникальные слова. И в командах, конечно,

записывались одни и те же варианты, которые потом при проверке и были вычеркнуты.

Только в одной команде осталась единственная запись, которая и принесла ей победу. Это слово было КАЛ. И мы могли бы сказать, что ликование победителей и смеху проигравших не было предела, если бы не наступившая вскоре рабочая тишина и углубленность в новое задание (по формуле $C_6H_{12}O_6$ составить линейную структурную формулу с последующим сравнением полученных у команд вариантов и друг с другом, и с информацией в учебнике). Это задание выполняли те же ученические команды. За про-

шедшее игровое задание они так сплотились, так закалились, что за новое задание взялись засучив рукава.

ПРЕИМУЩЕСТВА “ОТКРЫТОГО ЗАБРАЛА”

Уверенность учительницы в правоте своего подхода сказалась на том, как проходило обсуждение открытого урока. Присутствовавшие (а это конечно же были в основном представители администрации), как ни странно, не возмущались по поводу появления слова КАЛ. Хотя если бы учительница позволила столь чреватую неожиданностями словесную разминку на открытом уроке раньше, во время своих первых социоигровых проб, то соответствующее назидание проверяющих наверняка прозвучало бы. Видимо, именно поэтому учительница раньше и не позволяла себе такого на уроках. Когда же, по мере накопления опыта в игровом стиле обучения, учительница перестала бояться недовольства администрации, то оказалось, что и администрация не видит особых поводов для недовольства.

На очень быстро прошедшем обсуждении открытого урока завуч отметила (видимо, имея в виду задание составлять из букв слова), что она на своих уроках “тоже очень часто использует игры с дидактическим содержанием”. Все закивали головами. Наша учительница химии – тоже. Узкое место было благополучно пройдено.

ВПОЛНЕ ПОНЯТНЫЕ НЕДОУМЕНИЯ

Но представим другой вариант. Учитель уже с первых попыток использования двигательных игровых заданий – когда ни детям, ни ему самому еще непонятно, что, собственно говоря, происходит, – начинает трезвонить всем о своей работе “по новой системе”. Конечно, по-житейски его понять можно: он спешит оповестить всех до того, как его начинания зачахнут.

Но ведь понять можно и оппонентов (в том числе и администрацию), которые, не разделяя пока что его надежд, целей и представлений о будущих результатах, видят в происходящем сумбур, непоследовательность, бессвязность. А все это конечно же на первых порах обязательно будет присутствовать в той или иной мере. Только стойкие сторонники того или иного подхода уже в первых учительских пробах могут угадывать будущие результаты, будущую стройность, последовательность и связность. Для всех же других недоумение вполне естественно.

Так что в ответ на вполне понятное недоумение комиссии учителю-неофиту не стоит сгоряча выдвигать обвинения в консерватизме и ввязываться в позиционный конфликт. Конфликт, конечно, рассосется, как только

начнут чахнуть его учительские начинания. Его было бы жаль, потому что в таком случае пострадают и дело, и начинания, и сами ученики. А останется лишь разочарованность быстротечностью моды на инновации.

Так не лучше ли учителю, вместо того чтобы обороняться или отмазываться от возможных нападков в адрес того или иного открытого урока, принять высказанные недоумения, видя в них повод для дальнейшего оттачивания мастерства и наращивания профессиональной оснащенности. Когда же к учителю придет уверенность в своих силах и в правильности выбора своего педагогического стиля, то и никаких конфликтов ни с какими проверяющими скорее всего не возникнет.

ИЗ ПЕСНИ СЛОВА НЕ ВЫКИНЕШЬ

*Короткий репортаж Алены Новгородовой (г.Вологда)
с конкурса “Учитель года”*

Я познакомилась с одним учителем истории, который на конкурсе “Учитель года” давал в чужом классе урок на тему “Степан Разин: герой или разбойник?”

Он заранее приготовил на доске такое окошечко: что-то написано и прикрыто бумажкой. А в конце урока, мол, откроем и узнаем правильный ответ: кто же все-таки Степан Разин – герой или разбойник?

И все стали приводить разные аргументы в пользу того или иного. И вдруг в разгар споров учитель ставит им песню “Из-за острова на стрежень”. А на словах “обнял персиянки стан” фонограмму останавливает и спрашивает: “Как вы думаете, что Стенька Разин дальше сделал? Он поступил как герой или как разбойник?”

И вдруг оказалось, что дети этой песни слыхом не слыхивали. Учитель не растерялся и спросил детей: “Как вы считаете, что можно было сделать с этой княжной? Какие будут варианты?”

Высказывались разные мнения. Например, можно ее “обратно отдать этому отцу”. Можно – “отдать в жены кому-нибудь, кто захочет или кто самый лучший”. А можно – “чтобы никому не досталась, высадить ее на берег”.

Но гуманные дети, посоветовавшись, решили, что Разин ее за выкуп наверняка отдал обратно отцу. И после этого учитель включил конец песни: “И за борт ее бросает в набежавшую волну”. Такой поворот дела вызвал у детей бурное веселье...

В конце концов, когда в конце урока учитель открыл заветное окошечко, оказалось, что в нем вместо ответа стоит знак вопроса. Я думаю, учитель

предполагал, что все будут говорить: мол, Степан Разин герой, – и тогда он поставит им эту песню. Вот и получится вопрос, на который нет однозначного ответа. Вышло не так, как он планировал, но, по-моему, еще лучше: уж этот-то урок дети запомнят на всю жизнь.

И что бы вы думали? Комиссия так не считала. Историку поставили в вину “негуманное обращение с человеческой жизнью” (то бишь “за борт ее бросает”), и в результате он получил очень низкую оценку.

Больше всех возмущалась психолог, которая заявила, что она крайне отрицательно оценивает этот урок, что ценность человеческой жизни на этом уроке совершенно не чувствуется... После обсуждения я подошла к ней и, прикинувшись валенком, говорю: “Вы не могли бы еще раз мне рассказать, какое ваше мнение об этом уроке?” Что же оказалось?

Оказалось, что в конце урока не было никакого результата. Умений и навыков – никаких. Что дети должны были вынести с этого урока? Весь урок говорили-говорили, а в конце урока – какой-то вопрос в окошечке. Почему вопрос? Ведь должно быть какое-то решение. И опять про “ценность человеческой жизни”...

Ну тут уж я не утерпела и сказала психологу, что история вообще-то как бы не очень гуманная и если вспомнить, то целые народы вырезались. А если об этом молчать, то это уже и не история будет. Да и гуманизм от такого замалчивания больше всего в конце концов и пострадает.

ЮНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Случай из письма Валентины Гусевой (Ярославская обл.)

Меня пригласили на урок к учительнице, которую я просто обожаю. Высокая, статная, не юная, но еще и не обремененная годами, очень уверенная в себе и в том, что говорит другим. Порой мне кажется, что когда она появляется в толпе коллег, то над ее головой раздается величественный гул, во всяком случае, я испытывала именно это. Уроку очень обрадовалась, хотелось воочию увидеть россыпи ее педагогических находок, увидеть, как одним движением руки или даже взглядом сглаживает она возникающие на уроке шероховатости. Услышать, как плещется и струится на уроке ее великолепная речь, как в головках ее ребят незаметно рождается понимание, что-то меняется, они вырастают прямо на глазах.

Урок был выстроен великолепно. Дети текст знали, рассуждали, докладывали что-то, приготовленное дома, учительница умело вела их к одной ей ведомой истине. Но что-то тревожило меня на этом уроке, что-то мешало сосре-

доточиться на главном, было что-то такое и в голосе, и в облике учительницы отчаянное, будто уже приговорили ее к казни, а она вот не сдастся и полна решимости довести урок до конца.

Красивый, но безжизненный урок получился, а я этого не выношу. Но как спросить? Она же, умница, анализируя свой урок, сказала, почему ей было так трудно. Оказывается, на первой парте сидел юный мститель и целый урок вполголоса говорил учительнице гадости, стараясь лишить ее равновесия, добиваясь нервного срыва, чтобы... Думаю, каждый сам поймет, зачем мальчишке это было надо. И каждый домыслит, какие же сражения до этого урока разыгрывались между учителем и учеником, если в такой ответственный для нее день он решил дать генеральное сражение. Но проиграл, силенки оказались все-таки неравные. А что дальше? Партизанская война? Кому дал урок этот мальчишка?

КРУГЛЫЙ СТОЛ В 6 “А” ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОТКРЫТОГО УРОКА

*Из рабочих записей классного руководителя
Натальи Злобиной*

10.11. 2005

Прочитала историю про мстителя.

Мысль №1. Красиво. Люблю красивый русский язык. Понятно, что автор не просто владеет богатством нашего великого-могучего, но и знает хорошо, что он им владеет, и получает от этого колоссальное удовольствие.

Мысль №2. Только вот, прочитав, обнаружила, что пересказать рассказ не сумею! Пришлось читать сначала.

Мысль №3. Читаю (молодая да ранняя!) и радуюсь – ух, мне есть что сказать! Гадости с первой парты? А мне!!! А как я иду с урока! Так у Славы Зайцева на подиумах не ходят! Стоп, скомандовала я себе. Спокойно.

Мысль №4. А прочту-ка я этот “невыдуманный рассказ” детям.

На ближайшем классном часе читаю вслух первые два абзаца. Вижу – “бесперспективняк”. Ни тебе “россыпи педагогических находок”, ни “ведомая истина”, ни “величественный гул” впечатления не произвели. И весь рассказ, по сути, в одно предложение уместился: “На первой парте сидел юный мститель и целый урок говорил учительнице гадости”. Вот и реакция!

Все повскакали с мест с криком: “Назин!!!” (местная достопримечательность).

С трудом убедила, что речь вообще не о нашей школе...

Расходимся на неделю.

17. 11. 2005

Круглый стол. Пока я разливаю газировку по стаканам, девочки освежают в памяти сюжет – Оля стащила “рукопись” со стола и теперь всем читает вслух.

Прочитанное мною неделю назад и прочитанное Олей только что – два абсолютно разных рассказа. Все, что я попыталась сгладить, в Олиной интерпретации вылезло наружу, как прыщ на лице пубертата.

Настя. Как это? “Великолепная речь”, “урок выстроен великолепно”, “умело вела”, “понимание рождалось”, а ее “приговорили к казни”? Или не ее?

Света. “Каждый сам поймет, зачем мальчишке это было нужно”. А я не поняла.

Я. Очевидно, были причины. Давайте их придумаем.

Хором. Поставила двойку! Много двоек! Нет, оскорбила! Двойка – не повод мстить! Он просто вредный! Она плохая учительница, хорошим учителям не мешают вести уроки! Странно, что этого не слышал класс! Сосед по парте точно слышал – и молчал! Значит, он на стороне мстителя!

Кричат так, что уже не слышат друг друга. Разом замолкают, укоризненно переглядываются, поднимают руки, передавая бразды правления мне.

Я. Стоп, стоп. Открытый урок. Что такое открытый урок? Скажите (раньше я не задавала им таких вопросов), наши с вами уроки тет-а-тет и уроки в присутствии других учителей – ставим “равно”?

– Нет.

– А в чем разница?

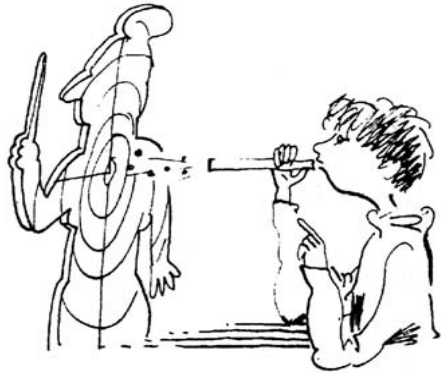
Ира. Вы становитесь строже, а объясняете подробнее. И шума в классе меньше. И скучнее. И мы работаем на публику.

Даша. Мститель работал не на публику.

Таня. Еще бы. Да его бы вытолкали вон.

Даша. Тогда вообще странная учительница. Слушала одна и терпела. Может, надо было его спросить?

(Тут я подумала: чем не маневр? Он тебе гадости, а ты ему – “А по-твоему, как?” Неужели проигнорирует? Или ответит – и снова в бой?)

Проиграли ситуацию – показалось выигрышным (1:0!).

Я. Урок заканчивается. А конфликт остался. Будем мирить?

Света. Если он так себя ведет, он перестанет понимать, что ему объясняют. И будет еще хуже.

Оля. Если она виновата, она должна извиниться. Только не при всех.

Маша. Учителя так не делают.

Я. Как “так”?

Маша. Не извиняются. Она бы давно извинилась, если бы хотела. Раз он хамит на открытом уроке, значит, он ее никогда не простит.

Я. Выходит, без вариантов?

Оля. У него есть друзья. Родители. Они должны ему помочь.

Света. Знаешь, какие бывают родители. Сын в классе на голове ходит, а дома говорит, что и объясняют плохо, и ругают, и на него наговаривают. А те ему и верят!

Я. Ну хорошо. Пусть даже родители целиком и полностью на его стороне. Неужели они видят, что ребенку в классе некомфортно, и закрывают на это глаза?

Надя. А ему, может быть, очень даже комфортно. Ему гадости делать комфортно.

Оля. Я же говорю – друзья.

Даша. Подсадить шпиона! Из другого класса, вроде – новенький! Пусть воспитывает!

Таня. Шпиона-то зачем? Своих мало?

Даша. И много ты Назину наговоришь? Своих слушать не станет.

Оля. Да вы не поняли. Должен быть просто друг, который понимает, что ситуация – нелепая. Только друзьям доверяют.

Света. Или переводить.

Оля. Некуда переводить. В селе одна школа.

Слушала я их, слушала. Делаем мы из мухи слона, подумала я. Большой подвиг – учителю нахамить. Проблемы-то у педагога, а не у мстителя. Нечего в класс как на эшафот заходить. Нет безвыходных ситуаций, есть непривычные решения. Напрячься, поменять курс, сбить с толку, потом вовлечь в процесс, насмешить, удивить – взять да и обнаружить на открытом уроке свою педагогическую несостоятельность! Что за принцип – сдохну, но урок доведу до конца и гадостей не замечу?! Разве не гадости – самая непосредственная реакция на твои “россыпи педагогических находок”? И что ж она, такая величественная, жаловаться в учительскую кинулась?

Даша. А может, он вообще – на спор? Пари такое!

Этот вариант устроил всех. Во-первых, понятно, почему учительница не ожидала атаки. Во-вторых, понятно, почему сосед по парте не пытался урегулировать происходящее. В-третьих, понятно, что мальчишка все-таки не старшекласник – у тех иные развлечения. В-четвертых, понятно, что ни предыстории, ни продолжения конфликт не имел и не будет. Это порадовало. В-пятых, понятно, что, выиграв одно пари, трудно не поддаться соблазну заключить другое – на следующем открытом уроке. Это огорчило.

Оля. А вот и нет. Наверное, она была так себе учительница, годная лишь на то, чтобы заключать о ней пари.

Вот какими глазами смотрят дети на высоких, статных учителей, способных “одним движением руки сгладить возникающие на уроке шероховатости”. Учтите, это уже не шероховатость, а целая колдобина. И меняйте, меняйте свое отношение к собственным таким вот “красивым, но безжизненным” урокам. Ибо, как недавно сказал мне первоклассник Миша, “главное – угол зрения”.

Расходились мы, согретые счастьем взаимного понимания, вполне поделовому... Ученики 6 “А”, участники круглого стола: Оля Саушкина, Надя Селезнева, Света Нехайчук, Настя Суханова, Ира Чугреева, Маша Пилевина, Даша Архипкина, Катя Воробьева, Кристина Сиян, Таня Московская. И я – Наталья Петровна – их учительница музыки и класный руководитель.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

*Невыдуманный рассказ
Валентины Кладовой (Смоленская обл.)*

Эта история хоть и давняя, но, по-моему, и для сегодняшних учителей поучительная. Приехал в нашу сельскую школу молодой парень, окончивший речное училище. Приехал вслед за своей молодой женой, которая была по специальности зооинженер.

Она имела высшее образование, а он всего лишь среднее. А в советские времена муж должен был ехать по распределению жены, если у нее выше образование. Чушь какая-то! Но парень, оставив свою мечту о речных просторах, приехал в деревню. И попросился на работу в нашу школу. Как не взять: мужчина, молодой, умница. Одним словом, тысяча аргументов, и все “за”.

Дали ему физику и физкультуру. Стал работать. Мальчишки в нем души не чаяли. Он ходил с ними в походы, устраивал спортивные соревнования и постоянно рассказывал о море (кстати, многих увлек – поступили потом учиться в его училище).

Вскоре у молодого учителя родился сын. Когда жену привезли из роддома, устроил он с коллегами праздник... А утром – в школу, хоть и к урокам не готов. Решил, что выкрутится: еще раз расскажет ребятам о своем заграничии во время практики – им и интересно, и бесполезно будет.

Подходя к школе, увидел незнакомую машину и сразу понял, что влип: в школе “гости”. Сердце ушло в пятки.

И действительно, он не обманулся – прибыла инспекторская проверка в главе с заведующим роно, который, кстати, по образованию был физик.

Войдя в учительскую, он поздоровался с “гостями” и попрятавшимися за камин коллегами и вскинул умоляющие глаза на директора. Та в ответ отрицательно мотнула головой. И он понял, что его учительская карьера висит что называется на ниточке.

Физика была в расписании третьим уроком. Он пошел к ребятам и, ни на кого не глядя, произнес: “На уроке будут проверяющие. Изучать будем вчерашнюю тему. Ты, Саша, будешь отвечать домашнее задание. Ты, Сережа, пойдешь к доске решать задачи. Остальные помогайте нам, прошу об одном – только не молчите! Вы должны... Нет, я прошу вас помочь мне”.

Это как же надо учителю чувствовать своих ребят, чтобы в минуту внезапной опасности опереться на их плечо и быть уверенным, что они это плечо не выдернут.

Класс проводил его настороженной тишиной.

Урок состоялся, умудренный опытом физик даже похвалил его.

Ночью молодой учитель не спал. И совсем не потому, что плакал малыш, нет. Он никак не мог найти слова, которые завтра нужно сказать своим ребятам. Ему чудилось, что и его ученики тоже не спят, вслушиваясь в пустоту, которая пролегла между ним и классом.

На следующий день он начал урок с того, что произнес:

– Вы должны осудить меня. Только не все вместе. Ведь даже закоренелый преступник имеет право на адвоката. Разделитесь, пожалуйста, на две группы.

Они не стали делиться, а сидели и молчали. Молчал и учитель в тягостном ожидании, когда в класс вернется утраченная близость душ...

Со звонком на перемену он поднялся и растерянно посмотрел в ребячьи глаза...

– Вы простите меня, если можете...

И ответ:

– Не переживайте, мы все понимаем.

Оказывается, даже по отношению к учителю, которому многое нельзя, допустима ложь во спасение. Допустима, если это понимают дети.

КОГДА ЖЕЛАЕМОЕ ВЫДАЕТСЯ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

*Комментарии Вячеслава Букатова и Александры Ершовой
к рассказу Валентины Кладовой*

Случай, конечно, трогательный. Дали мы его одной нашей студентке, так та в восторг пришла. Ей представилось, что рассказ про то, как завязалась педагогическая ситуация и класс с этого момента стал физику учить, а герой рассказа как бы заново родился – уже в качестве настоящего учителя.

Мы порадовались такой непосредственности восприятия. Но тут же и призадумались. Получается ведь как? Человеку, в школе не работающему, восхититься легко: как трогательно, как здорово! А вот когда ты в школе работаешь, да еще при чтении ситуацию в подробностях начинаешь представлять, то если и приходится чему удивляться, так множеству ставшей для учителей столь привычной путаной полуправды...

Дали мы почитать письмо одной московской учительнице математики, нашей хорошей знакомой. Тишина и недоумение.

– И всё? Мой класс позавчера на открытом уроке по биологии так и отвечал! Накануне всем раздали листочки с ответами, они их выучили. “Двоечникам и хулиганам” велели весь урок переписывать параграф. А комиссия решала в это время кроссворды.

За чистую монету

Вспомнилось нам, что когда (“сто лет назад”) на экраны вышел фильм “Доживем до понедельника”, все начали его захлеб обсуждать. И по большей части восторженно. Вот тогда мы и провели, как сейчас принято говорить, блиц-опрос. У моряков мы спрашивали: “Слушайте, а когда в фильмах показывают жизнь на корабле, это на правду похоже?” “Нет, – отвечают, – чистое вранье”. У инженеров – про производство. И в ответ получали все то же: “Вранье сплошное”.

Так почему же зрители – моряки, инженеры, строители, – смотря “Доживем до понедельника”, коллизии фильма за чистую монету принимали?

Как работают учителя? О чем они думают, когда учат? Как разговаривают с коллегами? Как – с завучем? Казалось бы, в фильме все похоже, но если приглядеться да вдуматься, то ничего похожего – сплошной “художественный” вымысел соцреализма, в котором *желаемое* выдается за *действительное*.

Веди себя прилично

Вот и в рассказанном случае “Ложь во спасение” нечто подобное. Это только по наивности можно расчувствоваться: ах, как тяжело приходится учителю, когда он вынужден врать. Как будто учителя так уж редко врут. Как будто дети каждый день не хлебуют того или иного очковтирательства (в более или менее откровенной форме). Да сколько угодно. Они очень давно и очень хорошо всё понимают.

Уже в первом классе дети знают: придет завуч или директор – веди себя получше, а не как обычно. На открытом уроке хоть учитель и не станет кричать, а все замечания делать будет только лилейным голоском – все равно вертеться нельзя. Нужно сидеть тихо и слушать смиренно. Даже в детском саду на показательных занятиях детишки старательно демонстрируют знание подобной “нехитрости”.

И, в общем, это нормально. Ведь дома, когда родители ждут гостей, они тоже просят детей “вести себя прилично”. И если при гостях ребенок начинает выпендриваться, то, разумеется, гости думают про себя, что раз ребенок так много себе позволяет при посторонних, то он невоспитан и вообще садится взрослым на шею. И они правы.

Так что в традиционном для семейного уклада прикидывании паинькой кроется вполне разумный смысл. И ничего особо плохого в такой лживости вообще-то нет. Наоборот, плохо, когда ребенок и не думает при чужих людях “вести себя прилично”.

Однако и чрезмерная эксплуатация пусть даже самого невинного из подобных “прикидов” ни к чему хорошему тоже не ведет.

Так заведено

Читаем: “Это как же надо учителю чувствовать своих ребят, чтобы в минуту опасности опереться на их плечо...” Трудно не согласиться. Да вот только о какой-то опасности может идти речь?

Чего греха таить: иногда всем коллективом приврать да очки начальству втереть – это же одно удовольствие. Такая дружба при этом может возникнуть, такое сплочение. Ну с чего бы это подчиненные начали бы вдруг начальство подводить? Так заведено во взрослых коллективах. А уж в детских-то и по-давно.

Разве дети когда-нибудь стремятся продемонстрировать (тем более перед комиссией), что они чего-то не знают? Да ни в жизнь. Даже если они прекрасно знают, что учитель в предмете не очень-то и силен.

В рассказе получается так, что учитель, живя с детьми душа в душу, на уроках работал всюду, но вот только на момент проверки – как на грех –

к уроку был не готов и ничего, кроме вчерашнего урока, ему показывать было нечего. Но тут концы с концами, честно говоря, не сходятся...

А вдруг учитель давным-давно к урокам не готовился? Как жена в роддом попала, так и все уроки побоку. Физкультура еще куда ни шло, а вот с физикой – беда...

И если это так, то у учителя перед классом “задолженность” была солидная. По многим темам. И ученики, по сути дела, за сорок минут к уроку по физике подготовились практически с нуля и абсолютно самостоятельно. И, заметьте, сделали это прилично. А всё, чтобы спасти своего учителя, который на уроках только и знал, что о речном флоте увлеченно рассказывать...

Нам-то кажется, что для любого учителя, если он свой предмет знает, никакой такой глобальной проблемы при внезапной проверке возникнуть не может. Другое дело, если у физика на уроках самой физики просто не было...

Литературный ход

В рассказе читаем: «На следующий день он вошел в класс, сел за стол и сказал: “Вы должны осудить меня”, – и даже велел ученикам поделиться на две группы. Но они делиться не стали. Сидели и молчали. Целый урок. А когда прозвенел звонок, учитель сказал: “Вы простите меня, если можете...” И услышал в ответ: “Не переживайте, мы все понимаем»».

Как литературный ход – впечатляет. А в реальности целый урок промолчать – это же для любого класса настоящая пытка. Молчание героя рассказа еще можно понять: к примеру, он силы в себе копил, чтобы сделать мужественный шаг – прощения попросить. Но ученики-то тут при чем? Представьте, учитель говорит: “Судите меня, пополам делитесь и судите” – а ученики молчат. А учитель все сидит и сидит. И получается, что ученики сорок минут в молчании должны изнывать.

А может быть, учитель посидел молча минут этак десять, а потом, сказав: “Ну спасибо вам большое”, пошел спортивный инвентарь готовить для уроков физкультуры? Или через все те же десять минут, тяжело вздохнув, сказал: “Ну, открывайте физику, давайте учить следующий параграф”? Вариантов могло быть много.

На самом деле не будут дети сорок минут молчать! Да и сам учитель сорок минут не вытерпит. А к примеру, только дети между собой зашущукаются, как он тут же ладонью по столу: “Я вам что сказал? Меня судить! А не на посторонние темы разговаривать!” Вот это уже картинка более достоверная (правда, и более безрадостная).

Думается, что на самом деле молчание в классе если бы и повисло, то от силы минуты на три. Ведь когда люди молчат больше десяти минут, то по театрально-режиссерским представлениям – налицо ситуация, когда никому ни от кого ничего не нужно...

Норма жизни

Ситуациями всевозможной показухи вообще-то вся жизнь пересыпана. Чуть не каждый ребенок знает, что мама с папой дома говорят одно, а на людях нечто другое, порой противоположное.

Да что семья! У взрослых вранье чуть не на каждом шагу. Кто из нас не просил коллег о такой услуге: сказать, если начальство хватится, что он пошел к зубному врачу? Многие испытывают потом некоторое чувство неловкости перед коллегами, оттого что заставили их врать. Но острыми угрызениями совести даже самые честные не очень-то мучаются. Хорошо это или нет, но факт остается фактом: бытовое вранье-прикрытие – привычная поведенческая норма жизни. И для школы вранье – дело ну совершенно обыденное. Вот кабы вранья-то не было, да кабы ученики и учителя по-честному жили и трудились на уроках!.. Тогда, конечно, дело другое – малейшая ложь действительно становилась бы ЧП. Но это в идеале.

В реальности же не стоит учителю тешить себя сладкой надеждой: вот бы мне попался такой класс. Лучше надеяться на то, что сам в такую ситуацию никогда не попадешь. А уж попав, свой класс не подставишь. Это уж точно.

Кому выгодно ложь?

Если учитель в физике не ориентируется, а ученики делают вид, что физику знают, то кто кого прикрывает? Кому выгодно такая ложь? Неужто и впрямь речнику-учителю? Вряд ли. Правда гораздо горше.

Результатами инспекторской проверки (во главе которой стоял сам завруно!) была довольна прежде всего школьная администрация. Честь школы не посярана. Ведь кто-кто, а уж завуч с директором как никто лучше знали учительскую цену речнику. Это ведь они дали ему вести не только физкультуру (это еще куда ни шло, ведь спортивная подготовка какая-никакая, а все ж таки у него явно была), но и физику! Это после среднего-то образования нашего речника...

Если учитель и подставил учеников, то его самого еще раньше подставила администрация. Подставила по многим статьям. Бросила, как кутенка в реку: плыви, как хочешь. А чуть что – проверка или районная контрольная, – сразу выясняется, что молодому учителю надо администрацию не подвести и честь мундира школы не запятнать...

Золотая середина

Да и инспекторская проверка хороша, ничего не скажешь. Это на какие же критерии урока инспекторам надо ориентироваться, чтобы подобную липу в упор не замечать: “Ты, Саша, будешь отвечать домашнее задание. Ты, Сережа, пойдешь к доске решать задачи. Остальные помогайте нам, прошу об одном – только не молчите!”

Ну как тут не вспомнить открытые уроки, свидетелями которых читатели наверняка сами много раз бывали? Ведь порой (не часто, но случается) сидишь на интересном, живом уроке, а инспектор нос воротит. И это ему не так, и то не эдак. А то вдруг какой-нибудь занудный, тягомотный урок начнет так расхваливать, что хоть святых выноси...

Впрочем, с открытыми уроками дело обстоит весьма запутанно. Это как с гостями: если к родителям пришли гости, то вести себя нужно, как ни крути, все же несколько по-особому. А то как-то неприлично.

Вот и на открытых уроках дидактический затрапез учителю показывать все-таки как-то неуместно. Хотя и глянцевою, специально отрепетированную показуху гнать тоже не следует. Ведь урок должен все же оставаться уроком. Иначе ерунда, несносный театр абсурда вместо обучения получится.

Выходит, что все дело в соотношении: какая на открытом уроке будет доля вынужденного лоска и хвастливого “прикида”, а какая – подлинного обучения, в ходе которого дети будут реально осваивать программный материал и действительно отрабатывать свои учебные навыки.

Тут главное – золотая середина. А у каждого учителя представления о ней собственные. Вот только у некоторых методистов эти представления почему-то оказываются полностью атрофированными. Видимо, в этом вредная специфика их нелегкой работы.

Виновных нет?

Вот и получается, что в рассказанной истории тема лжи хоть и затрагивается, но по-крупному даже не ставится. И администрация школы, и инспекция роно оказываются ни при чем. И те и другие находятся как бы в статусе жены Цезаря, которая вне всяких подозрений.

Поэтому и выходит: как искать виновных – то виновных нет как нет. Ну не речник же (да к тому же новоиспеченный родитель) во всем виноват! Как ему тут не посочувствовать...

Вот только отдуваться за авгиевы конюшни школьной лжи приходится детям. Отдуваться по всем счетам и по полной программе.

ОТКРЫТЫЙ УРОК КАК ПРАЗДНИК

*Неожиданный ракурс от кандидата педагогических наук
Александры Ершовой*

Каждый учитель хорошо помнит свои чувства, когда проверяют его класс или присутствуют на его открытом уроке. Обычно это и какой-то противный страх, и смущение, и угодливая готовность покивать головой на благосклонный отзыв, и обиженное пожимание плечами на несправедливое замечание, и сокрушение по поводу промахов, подмеченных посетителями...

ВЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СПОКОЙСТВИЯ

Может быть, кто-то из вас, учителей, уже научился как-то по-деловому и без нервотрепки переносить посещение своих занятий контролерами? Хотя у каждого из вас для подобного делового спокойствия есть веские основания – ведь только вы, непосредственно работающий с этими детьми учитель, можете лучше кого бы то ни было знать, что, как и сколько следует делать на данном занятии. Даже если сегодня вы в чем-то промахнулись, то поверьте, видно это только вам самим! И промахом вы назовете только то, что отклонилось от того направления, того замысла, который вы сами себе наметили и прочувствовали. Разговоры же всех остальных о каких-то ваших промахах, вытекающих из каких-то других правил и законов, вы принять, в сущности, не хотите. И по-человечески вас понять можно.

Каждый творчески работающий учитель руководствуется каким-то своим уникальным сочетанием одновременно и соблюдения общеизвестных правил, и их нарушения. И он часто не в состоянии объяснить или доказать это проверяющим. Ведь есть и такие “проверяльщики”, которые

могут на полном серьезе упрекать учителя за то, что кто-то из учеников что-то такое сказал, что проверяющий представить себе не может, как это учитель им такое позволяет. Подобный подход проверяющего всегда был и будет восприниматься как педагогический нонсенс.

В основном же присутствовавшим на уроке коллегам даже в самых неожиданных отклонениях от привычных правил удастся увидеть искреннее стремление педагога соответствовать им более полно. Например, в кажущемся беспорядке и шуме они все же могут разглядеть достигнутое или еще только формирующееся проявление порядка более высокого, чем примитивная послушность; в странном отсутствии обычного объяснения учителем нового материала – тренировку в детях чувства уверенности в себе от того, что они новый материал, оказывается, уже “давно знают”; в юморе учителя – достойную форму преодоления неизбежных во всякой работе затруднений и, наоборот, в том, как преодолевается препятствие, разглядеть профессиональный специфический юмор и мастерство.

Вспомнив все это, любому учителю будет легче рассматривать посещение своих уроков коллегами или начальством как своего рода праздник, как редкую возможность получить взгляд со стороны и, быть может, натолкнуться на очень важные и нужные ему идеи. Для этого учителю нужно брать инициативу в свои руки и добывать, добывать у гостей их соображения, суждения, логику, видение причин и следствий. Чем больше, активнее учитель спрашивает, тем меньше натянутости в обсуждениях, тем больше учитель узнает о своей работе. Правда, может быть, не столько напрямую, сколько косвенно, через узнавание личных систем педагогических представлений обсуждающих, их личных взглядов со стороны.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ: НА ЧТО СМОТРЕТЬ?

Каждый учитель время от времени и сам бывает в роли “гостя” на чьем-то уроке. И ему приходится на обсуждении высказывать свое мнение и как-то оценивать увиденное. Для того чтобы “гостю” на обсуждении удавалось благополучно избегать недоразумений, обид и вносить свою лепту в поиск учителем личного педагогического почерка, мы предлагаем педагогу-читателю четыре простых “театральных аспекта” рассмотрения урока, чтобы полученный результат при желании сличать со своим мнением, возникающим при обычном дидактическом взгляде, выбирая и из того, и из другого самое неожиданное, деловое, конкретное и опуская все банальное, примитивное и непрофессиональное, то есть не по-деловому обидное.

Аспект первый

ЧТОБЫ САМОМУ УЧИТЕЛЮ БЫЛО ИНТЕРЕСНО

Можно ли заметить в поведении учителя на уроке такие особенности, которые обнаруживают, что ему самому интересно: угадают ли, отгадают ли, найдут ли ученики решение, выход или направление, куда надо двигаться?

Ответ может быть важен потому, что подобные особенности учительского поведения всегда провоцируют творческую, поисковую, познавательную активность детей. А это, в свою очередь, является основным условием урока хорошего, развивающего, то есть подлинного.

Каким бы, на наш взгляд, ни был странным и непонятным урок, если вы в поведении учителя разглядели подобные особенности – можете смело говорить, что урок получился удачным.

Аспект второй

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ УЧЕНИКОВ В ПРОСТРАНСТВЕ

Активность учеников не вещь в себе, и смешно судить об их активности по резвости воздевания рук и “театральности” стонов желающих блеснуть ответом на знакомый вопрос. Активность в том, что и движение-передвижение, охватывающее все пространство класса, и записывание в неудобных позах, например, на корточках, и смех, и говор могут быстро сменяться рабочей внимательной тишиной и наоборот. Однообразно ровная тишина на уроке – с театральной точки зрения – свидетельствует о каком-то неблагополучии, поэтому наши советы учителям часто связаны с организацией двигательной, внешней активности учеников.

Живой урок не может обойтись без какого-то добровольно согласованного, целенаправленного перемещения учеников в пространстве. Педагоги согласятся, что урок, на котором ученики то группами стоят у доски, то подходят друг к другу в поисках совпадающего (или, наоборот, несовпадающего) ответа, то в вольных, непринужденных позах удобно располагаются на полу вокруг новой таблицы, схемы, графика, невольно образуя живописные композиции, на присутствующих “гостей” производят впечатление встречи с чем-то подлинным, настоящим, искренним.

Большее или меньшее однообразие поз и размещения учеников на уроке связано с более или менее менторской ролью учителя, с его большим или меньшим пренебрежением к мыслям сидящих перед ним учеников по поводу высказываемых с учительской кафедры истин. Перемещения учеников, смена на уроке их рабочих мест мешают учителю чувствовать себя главным, лишают его примитивно понимаемого центрального положения, как когда-то в астрономии наблюдаемое движение планет лишало Землю права зани-

мать неподвижный центр мироздания. Чем чаще ученики на уроке меняют свои рабочие места, тем вероятнее, что не ученики обслуживают интересы учителя, а... наоборот.

Аспект третий РАБОТА В МАЛЫХ ГРУППАХ

Театр одного актера – казус или метафора. Театр – искусство коллективное. Педагогика тоже стремится к коллективизму, но безуспешно, потому что вся дидактика ориентирована на индивидуализм.

С точки зрения театрального искусства загадки-задания, предлагаемые учителем, легче и полезнее разгадывать вместе с товарищами, а не в одиночку, как на экзамене. Поэтому очень хорошо, когда на уроке часть работы или даже весь ее объем ученики выполняют в маленьких группах, по 3, 4, 5, 6, 7 человек. Вдвоем – хуже, так как собеседование может легко превратиться в ссору или монолог. Даже втроем легче рассматривать разные варианты, чем вдвоем, а вчетвером, вшестером разговор обычно получается или интереснее, или содержательнее, или полезнее.

Разбор учебного материала на уроке в малой группе дает возможность проявиться детской дружественности и терпимости и делает видимым процесс и результаты воспитательных усилий учителя. Если дети в классе спокойно и весело трудятся в компании с любым из соучеников, значит, они защищены от заразы скандального пренебрежения или унижения, от завышенной самооценки, то есть скромны и дружелюбны. А это с театральной точки зрения является прямо-таки украшением любого урока и показателем высокого качества работы учителя с классом. Значит, и похвалить такого учителя вам будет за что.

Аспект четвертый СМЕНА ДЕЛ

Только смена дел – а соответственно и содержания, и форм работы детей – открывает уровень компетентности каждого из них, что оставляет у всех присутствовавших “гостей”-педагогов впечатление о талантливом, сообразительном и умном классе, в котором каждому хочется поработать. Достигается этот эффект не только отсутствием учительских разносов за тупость, нерадивость и бестолковость. Если ученики только лишь хорошо повторяют речь учителя и даже без ошибок отвечают на вопросы и произносят сложные правила, у присутствующих “гостей” не будет улыбки, удивления, повода задуматься по существу предложенной ученикам загадки, они не разглядят в детях достойных и интересных собеседников.

Но это становится возможным, когда многие и разные задания, загадки, проблемы, сменяя друг друга, позволяют детям проявлять свою находчивость, способности, умения. Поэтому, может быть, читатель-учитель согласится считать идеальным результатом урока, на котором он присутствует в качестве “гостя”, открытие ума и таланта во всех присутствующих, начиная от самого маленького или слабого ученика и кончая как самим учителем, так и присутствующими коллегами.

Человек, увидевший талант другого, порадовавшийся за него, наверняка станет талантливее и сам. И это относится как к детям, отсидевшим на открытом уроке, как к “гостям” или аттестационной комиссии, так и к самому учителю, давшему открытый урок.

УДК 371
ББК 74.200
Б90

Общая редакция серии «Воспитание. Образование. Педагогика»: *М.Н. Сарпан*

Букатов В.М.

Б90 Открытый урок : режиссура школьной повседневности в невыдуманных рассказах, неожиданных советах и нескучных рекомендациях / Вячеслав Букатов, Мария Ганькина. – М. : Чистые пруды, 2006. – 32 с. : ил. (Библиотечка “Первого сентября”, серия “Воспитание. Образование. Педагогика”. Вып. 6).

ISBN 5-9667-0258-6

Выпуск предлагает учителям по-новому рассмотреть круг вопросов, связанных с проведением открытого урока. По-прежнему особое внимание уделяется сложившимся в школьной среде досадным недоразумениям и учительским страхам, а также различным способам их преодоления.

Личный опыт городских и сельских учителей будет наверняка полезен не только начинающим, но и опытным педагогам-практикам.

**УДК 371
ББК 74.200**

Учебное издание

БУКАТОВ Вячеслав Михайлович
ГАНЬКИНА Мария Владимировна

ОТКРЫТЫЙ УРОК

**Режиссура школьной повседневности в невыдуманных рассказах,
неожиданных советах и нескучных рекомендациях**

Корректор *Э. Земцовская*
Рисунки *Е. Двоскина*

Компьютерная верстка *В. Кулаков*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–19078 от 08.12.2004 г.

Подписано в печать 25.10.2006.

Формат 60х90/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Печ. л. 2,0.

Тираж экз. Заказ №

ООО «Чистые пруды», ул. Киевская, д. 24, Москва, 121165
Тел. (495) 249-28-77, <http://www.1september.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в Раменской типографии
Сафоновский пр., д. 1, г. Раменское, МО, 140100
Тел. (495) 377-07-83. E-mail: ramentip@mail.ru

ISBN 5-9667-0258-6

© ООО «Чистые пруды», 2006